

Национальный вопрос в сибирском тылу

УДК 94(47)

Шумилова Элина Евгеньевна,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
e-shumilova@yandex.ru

Немцы в восприятии горожан Западной Сибири в 1914–1917 гг.

Аннотация: В статье рассматривается проблема восприятия горожанами Западной Сибири немецких подданных, проживающих в Российской империи до Первой мировой войны, русских подданных немецкой национальности, а также пленных немецкой национальности. На основе анализа архивных источников и литературы автор оценивает влияние официальной пропаганды на поведение горожан. В годы войны по всем уголкам Российской империи были разосланы секретные циркуляры, запрещающие принимать в школы детей и учителей немецкой национальности. Влияние идеологии доходило дело до того, что не рекомендовали назначать учителей немецкого языка на должность классных руководителей. Однако сильного враждебного отношения к немцам – русским подданным в целом в Сибири не проявлялось. Об этом свидетельствуют, например, фельетоны городских сибирских газет, в которых высмеивалось запрещение преподавать немецкий язык в школах или слушать немецкую музыку. Отношение местных чиновников к австрийцам и немцам было адекватным, некоторые из них даже заступались за жителей, у которых по распоряжению центральных властей конфисковали имущество. Делается вывод о том, что отношение к немцам в городах Западной Сибири было в целом лояльным. Массовое сознание выводило из-под обвинения в развязывании войны немецкий народ, что выступало препятствием для создания образа кровожадного врага. Городские слои были склонны воспринимать немцев как жертв, вынужденных по приказу начальства участвовать в войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, города Западной Сибири, восприятие, военнопленные, немцы.

История повседневности является сравнительно новым направлением в отечественной исторической науке, активная разработка этой темы началась только в 90-е годы XX века, что во многом накладывает отпечаток на его восприятие среди отечественных историков [1, с. 279]. При этом достаточно мало внимания уделяется одной из составных частей направления – сознанию

обычного человека [2; 3; 4; 5]. В этом отношении большой исследовательский интерес представляет рассмотрение данной проблемы в таких крупных сибирских городах как Томск, Омск, Барнаул и Новониколаевск. Именно здесь в годы Первой мировой войны военнопленные порой насчитывали почти 1/10 часть населения, именно здесь до войны проживало большое количество представителей немецкой национальности¹.

К августу 1914 года по указу центральных властей в качестве гражданских пленных в этих сибирских городах были арестованы почти все подданные вражеских государств от 18 до 45 лет находящиеся в запасе своей армии, работавшие или учившиеся, а также желающие присоединиться к ним члены их семей. Их несколько месяцев перевозили из одного места в другое и в итоге расселили в Нарымском крае².

Однако зимой 1915–1916 годов немцев и австрийцев в крупных городах Западной Сибири за счёт пленных. Военнопленные были распределены по городам Омского военного округа в это время следующим образом: Омск – 14 тыс. чел., Новониколаевск – 12 тыс. чел., Барнаул – 2,5 тыс. чел., Томск – 5,2 тыс. чел. [6, с. 155]

Одними из первых объектов антинемецкой пропаганды стали неспособные носить оружие немецкие подданные, и русские подданные немецкой национальности. Утверждалось, что немец, где бы он ни жил, служит интересам Германии. Официальные власти пытались не только настроить население против таких немцев, обвинив их в подрывной деятельности, но и снять всю ответственность с правительства за недостаточную готовность правительства к войне.

С этой целью среди населения распространялись слухи о таинственных аэропланах, которые якобы скрываются в немецких колониях, где получают бензин, а также о том, что немцы ведут особую почту, имеют тайную политическую организацию. Некоторые жители в эти слухи охотно верили и даже утверждали, что сами видели эти аэропланы [7, с. 63].

В годы войны по всем уголкам империи были разосланы секретные циркуляры, запрещающие принимать в школы детей и учителей немецкой национальности. Доходило дело до того, что не рекомендовали даже назначать учителей немецкого языка на должность классных руководителей³. Министерство просвещения объясняло такой шаг нежелательным идеологическим влиянием данной категории на несформировавшиеся умы молодёжи. Отметим, что в Западной Сибири в отличие от центральных городов старались «обойти» запрет на преподавание немцев в школах⁴.

¹ Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917. С. 23; Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928. С. 4.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 165. Л. 28.

³ ГААК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 22. Л. 18

⁴ ИАОО.Ф. 46. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

В разъяснении, отправленном в апреле 1916 года попечительством Западно-Сибирского учебного округа директорам мужских гимназий, реальных училищ и председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, утверждалось, что это указание не исключает возможности под свою ответственность назначать таких лиц классными начальниками. При этом в каждом отдельном случае необходимо было ориентироваться с учетом местных условий и имеющихся сведений о том преподавателе, о котором возник вопрос. Причем вопрос о подданстве не имел значения, речь шла о национальности¹.

Однако сильного враждебного отношения к немцам – русским подданным в целом в Сибири не проявлялось. Это видно например из фельетонов городских сибирских газет, в которых высмеивалось запрещение преподавать немецкий язык в школах или слушать немецкую музыку². Для большинства населения Российской империи, в том числе сибиряков, ни немец, ни австриец не являлись носителями зла. Он был «колбасником», «торговцем», «бюргером», чуждым русскому духу, непонятным, но не врагом, тем более не кровожадным убийцей и милитаристом. Он был культурен, учён и кичился своей учёностью, но его можно легко обвести вокруг пальца. Он считался скупым, но одновременно рачительным, аккуратным хозяином, умелым и трудолюбивым [8, с. 114].

Борьба с «немецким засильем» в Западной Сибири для большинства населения обычно лишь ограничивалась формальным переименованием городских улиц, которым вместо немецкого присваивали другое название. Примером может служить случай, когда в 1915 г. жители Барнаула подали прошение в городскую Управу о переименовании улицы Немецкой в улицу Бельгийскую, которое вскоре было удовлетворено³.

Лишь изредка некоторые горожане высказывали своё негативное отношение к немцам. Подобной позиции в основном придерживались в Западной Сибири, как и в целом в Российской империи, некоторые представители русской интеллигенции. [9, с. 179] Так, редактор «Томского вестника» Булдаков в марте 1915 года выступал в Новониколаевском торговом корпусе с докладом «Германия и славянство», где стремился убедить слушателей, что «германцы – культурные варвары и исконные враги всех славянских народов» [10, с. 181].

Хотя сказать, что эта позиция была характерна для большинства представителей сибирской интеллигенции, нельзя. В то же время редакция крупной губернской газеты «Жизнь Алтая», издававшаяся в Барнауле, хранила молчание относительно немецкой тематики, а «Омский телеграф» занимался публикацией фельетонов, высмеивающих запрет всего немецкого [11, с.50].

¹ ИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

² Омский телеграф. 1915. 19 декабря

³ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.

Под предлогом борьбы с «немецким засильем» некоторые жители Западной Сибири явно стремились свести счёты с конкретными лицами немецкой национальности. В такую ситуацию попал, например, западносибирский военный губернатор О.Е. Шмитт. Последнего «коммерсант, патриот и добрый христианин» из г. Новониколаевска обвинил в «несвоевременной и чрезвычайной симпатии к немцам», и покровительстве тем, кто выражает удовольствие при отступлении российских войск [9, с. 187–188].

Адекватное отношение местных чиновников к австрийцам и немцам демонстрирует и тот факт, что некоторые из них даже заступались за жителей, у которых по распоряжению центральных властей конфисковали имущество. Так, по просьбе Новониколаевского уездного воинского начальника, австрийским подданным Ф. Иирковскому и А. Суходольскому возвратили лошадей, упряжь и прочие предметы как лояльным¹.

Другим явлением сибирской повседневности были военнопленные. Имперские власти старались укоренить у населения более доброжелательное отношение к австрийским военнопленным славянам – чехам, словакам, полякам и более сдержанное и даже агрессивное – к немцам. [12, с. 261]. По началу местные жители воспринимали всех пленных как «диких зверей», и кормили их чуть ли не с рук, меняли им деньги на рубли, старались с ними заговорить. После они стали восприниматься как обычное явление сибирской жизни [13, с. 6].

Чаще всего сибиряки не относились к военнопленным, которых на этой территории было несколько десятков тысяч, как к побежденным врагам. Многим они просто представлялись убогими, нуждающимися в помощи. Массовое сознание выводило из-под обвинения в развязывании войны немецкий народ, что выступало препятствием для создания образа кровожадного врага. Более того, низшие городские слои были склонны воспринимать немцев как жертв, вынужденных по приказу начальства драться против русских². В газетах не раз сообщалось о посещениях военнопленными немецкими офицерами кинотеатров и о их романах с сибирячками³.

По мнению военных властей, лояльность населения переходила границы допустимого. Впервые об этом со всей определённостью сказано в приказе командующего войсками ОмВО генерала Е.О. Шмита от 21 декабря 1914 г. В нём осуждались некоторые офицеры и «чины, состоящие на военной государственной службе», которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах «на виду у всей публики», вступали «в дружескую интимную переписку», высылали на добрую память фотографические карточки с надписями, сердечными пожеланиями и воспоминаниями о счастливо проведённых днях» [12, с. 257].

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 314. Л. 156–156 об.

² Русское слово. 1914. 17 августа.

³ Омский телеграф. 1914. 16 сентября; Сибирь. 1914. 26 сентября; Сибирский листок. 1916. 1 января.

Однако были некоторые горожане, которые считали военнопленных офицеров саботажниками и заявляли в письмах на имя руководителя правительства, что такое лояльное отношение в западной Сибири к бывшим воинам вражеской армии недопустимо. Именно так поступил в июле 1916 г. заместитель председателя Новониколаевского отдела Союза русского народа К. Поляков. Он направил на имя главы правительства России письмо, в котором фактически называл военнопленных офицеров саботажниками, виновными в организации пожара в с. Камень Томской губернии весной 1916 г. Персональная ответственность за попустительство лежала, на его взгляд, на крестьянском начальнике Барнаульского уезда Гофмане и его однофамильце – кучере¹.

Однако отсутствие за весь период войны антинемецких погромов, как это было, например, в Москве, а также шовинистских организаций, направленных против российских немцев и военнопленных, активное включение военнопленных в культурную жизнь региона, в целом свидетельствует о взвешенном отношении горожан к немцам в Западной Сибири.

За исключением небольшого количества случаев, у населения Западной Сибири в целом не выработалось ненависти к врагу, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, отсутствовала хорошо разработанная пропаганды образа врага, которая бы могла примирить населения с трудностями военного времени ради победы. Во-вторых, давнее соседство сибиряков с немецкими подданными, многие из семей которых проживали здесь ещё с екатерининских времён. В-третьих, демократические традиции местных жителей, которые были связаны с удалённостью региона от центра, а также составом самого населения, часть которого являлась потомками ссыльных.

События Первой мировой войны оказали влияние на изменение общественной психологии, морали и ценностей населения Западной Сибири. При отсутствии чёткого образа внешнего врага под воздействием большевистской пропаганды начинает формироваться образ врага внутреннего.

Литература

1. Ильясова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 159–169.
2. Баскина А.Л. Повседневная жизнь американской семьи. М., 2003. - 281 с.
3. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30–40-е годы). М.: Молодая гвардия, 2003. – 463 с.
4. Марочкин В.В. Повседневная жизнь российского рок-музыканта. М., 2003. – 406 с.
5. Аникович М. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М., 2004. - 349 с.

¹ ИАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 76–76 об.

6. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.
7. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. – 427 с.
8. Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX.: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102–116.
9. Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» в России и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М.: Наука, 2001. С. 175–197.
10. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. – 296 с.
11. Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев//Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 48–62.
12. Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) Барнаул, 2005. – 276 с.
13. Кушнир Е.Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны.[Электронный ресурс]// Новая локальная история. [официальный сайт]. URL: <http://newlocalhistory.com/content/kushnir-en-omsk-izmeneniya-povsednevnoy-zhizni-gorodskogo-naseleniya-zapadnoy-sibiri-v-gody>(дата обращения: 19.08.2014)